

А. Н. Токарев

Место лозунга *res publica restituta* и политики *restitutio* в политико-идеологическом урегулировании Октавиана 28–27 гг. до н. э.

Второго сентября 31 г. до н. э. в битве при мысе Акций Октавиан разгромил флот М. Антония и фактически стал единоличным правителем всего римского государства. Желая оправдаться в глазах потомков, сам он заявлял, что захватил власть «по всеобщему согласию»¹, но современники все еще хорошо помнили упреки М. Антония в его сторону в том, что Республика не была восстановлена только по вине приемного сына Юлия Цезаря (Suet., Div. Aug., 28). Следствием этого идеологического противостояния стали реформы 28–27 гг. до н. э., проведенные первым римским императором.

Эти события нашли свое отражение в сообщениях таких античных авторов, как Дион Кассий, Светоний, Веллей Патеркул, в политическом завещании Октавиана «Деяния божественного Августа», а также в эпитафических и нумизматических источниках. Впрочем, отрывочность и некоторая фрагментарность источников, посвященных этим событиям, поставила подавляющее большинство исследователей под магнетическое воздействие политического лозунга *res publica restituta*, который привлек особое внимание историков в связи с их толкованиями сущности политического режима императора Августа. Сторонники «теории фасада» считают его республиканской вывеской монархического режима [1, с. 40–45; 2, с. 429; 3, S. 87; 4, р. 14; 5, S. 88–91; 6, р. 27–28; 7, р. 27; 8, р. 51; 9, р. 107 sqq.], тогда как их противники — доказательством «республиканизма» Августа [13, с. 432–454; 14, S. 9; 15, р. 20–21; 16, р. 147 sqq.; 17, р. 31–33, 35]. Так, по мнению П. Занкера, «Октавиан спас Республику от разрушения, но теперь нужно было “восстановить” ее. Никто... не ожидал, что

¹ Еще недавно, согласно эмендации Т. Моммзена [10, р. 144], было общепринятым такое прочтение 34-го параграфа «Деяний Августа»: «in consulatu sexto et septimo, postquam bella civilia exstinxeram, per consensum universorum **potitus** rerum omnium, rem publicam ex mea potestate in senatus populique Romani arbitrium transtuli (в шестое и седьмое консульство, после того как я потушил гражданские войны, по всеобщему согласию облеченный высшей властью, я передал *res publica* из своей власти в управление сенату и римскому народу)» (RGDA, 34, пер. наш — А. Т.). Однако в 2003 г. П. Боттери опубликовал новый фрагмент «*Res gestae*» из Антиохии (Писидия), который показывает, что следует читать **potens** (овладевший, достигший), а не **potitus** (облеченный) [11, S. 261–267; ср.: 12, esp. P. 233–236]. Это кардинально меняет смысл всего пассажа: Октавиан не был «облечен высшей властью по всеобщему согласию», а «достиг (овладел) высшей власти по всеобщему согласию».

победитель возвратит всю власть сенату, но он, по крайней мере, должен был найти способ сделать монархию приемлемой для старых аристократических родов» [18, р. 90]. Напротив, представитель «интегральной концепции»¹ Я. Ю. Межеричский отмечает, что «принципат Августа имел едва ли не официальное наименование “восстановленная республика” (*res publica restituta*)» [19, с. 3].

Между тем, в 1973 и 1974 гг. вышли статьи Ф. Миллара [20, р. 50–63; 21, р. 241–260; ср.: 22, р. 263–265] и Э. А. Джаджа [23, р. 279–311], в которых ученые поставили под сомнение не только трактовку *res publica restituta* как «восстановленная Республика», но и даже существование этого лозунга в эпоху Августа. Ф. Миллар, сравнив изменения в провинциальном управлении и положении римских магистратов и сената в период триумвирата и после 27 г. до н. э., пришел к выводу, что деятельность Октавиана в 28–27 гг. до н. э. не имела в себе ничего республиканского. В результате, исследователь задается вопросом: «имеем ли мы какое-либо свидетельство, чтобы подтвердить утвердившуюся точку зрения, что в 27 г. до н. э. можно видеть либо действительное, либо объявленное “восстановление Республики”» [20, р. 63].
Рассмотрев свидетельства источников, Ф. Миллар указывает на показательный факт, что поэты эпохи Августа не использовали выражение *res publica restituta*. Этот термин встречается лишь два раза в документах, современных рассматриваемому нами периоду, а именно в надписях, где он восстанавливается по эмendaциям эпитафистов (CIL, I², р. 231; VI, № 1527, II, 26–27). Кроме того, Ф. Миллар пришел к важному заключению, что единого термина, обозначавшего *status novus*, не существовало, а выражение *res publica* означало «государство, государственные дела», а вовсе не «Республика» [20, р. 63–67; 21, р. 260–270; ср.: 22, р. 265–266].

Э. А. Джадж, в свою очередь, считая, что старые республиканские институты и обычаи сохранили свою силу и после 27 г. до н. э., также усомнился в «восстановлении» Октавианом Республики. Он при рассмотрении свидетельств источников уделил все внимание уже упомянутым нами двум аутентичным надписям, «Пренестинским фастам» и так называемой «*Laudatio Turiae*». Э. А. Джадж указал, что в «Пренестинских фастах», кроме моммзеновской эмendaции «*cozona quern[a uti super ianuam domus imp. Caesaris] Augusti poner[etur senatus decreuit quod rem publicam] p(ro)pulo R(omano) rest[it]u[it]* (сенат постановил, чтобы над дверью дома императора Цезаря Августа был размещен дубовый венок за то, что он восстановил *res publica* римского народа)» (CIL, I², р. 231, пер. наш — А. Т.), возможны и другие восстановления. В частности, он предложил свое довольно сомнительное исправление: «*cozona querc[ea autem id est civica uti super ianuam] Augusti poner[etur quod civibus ab eo servatis ipse] p(ro)pulo R(omano) rest[it]u[it]i sibi videbatur eodem s.c. sanctum est*» [23, р. 288–298]. Следовательно, по мнению исследователя, приводить этот источник в качестве примера не представляется возможным.

¹ 80-е гг. XX в.—первые годы XXI в. стали переломным этапом в изучении идеологии принципата Августа. С одной стороны в работах П. Цанкера, Д. Кинаста, Ф. Миллара и др. перестройку претерпела «теория фасада», тогда как «теория республиканизма» окончательно утратила популярность, с другой стороны можно говорить о появлении нового направления, зародившегося на их стыке, для которого мы приняли условное название «интегральная концепция». Его сущность заключается в том, что в идеологии Августа имело место сложное переплетение республиканских традиций и монархических тенденций в рамках непостоянной, развивающейся в сторону монархии политической системы. Исходя из этого, в пределах «интегральной концепции» существуют колебания в оценках сущности режима Августа. Некоторые историки подчеркивают преобладание монархических элементов в идеологии Августа, другие — смешение разнохарактерных тенденций без превалирования какой-либо из них, тогда как третьи — примат политики «республиканизма» [24, с. 8].

Вместе с тем Э. А. Джаджа согласился с поправкой «*pacato orbe terrarum res[titut]a a republica* (после умиротворения круга земель была восстановлена *res publica*)» (CIL, VI, № 1527, II, 26–27, пер. наш — А. Т.) в «*Laudatio Turiae*» и отверг эмendaцию Р. Фабретти «*re[ddit]a* (возвращена)», так как в самой надписи все же заметна буква *s*: *res...a republica* [23, p. 299 and note 26]. Однако, по его мнению, смысл этой фразы зависит от оборота *ablativus absolutus*, который означает: «когда был возрожден мир во всем мире и восстановлен общественный порядок», то есть вторую часть выражения он взял как дату: «когда отечество было возвращено в прежнее состояние». Это, с точки зрения Э. А. Джаджа, язык изгнания, отрывок даже может означать «восстановление отечества для нас», — другими словами, выражение *res publica restituta* могло использоваться для обозначения возвращения из изгнания [23, p. 298–301]. В результате он сделал вывод, что нет ни одного свидетельства, согласно которому Август утверждал, что восстановил Республику.

Однако выводы Ф. Миллара и Э. А. Джаджа не нашли большого отклика у современных ученых (эту точку зрения поддержали лишь А. Дж. Вудмен и Дж. Р. Стэнтон [25, p. 281–298, esp. 282–284; 26, p. 254]), среди которых уже стало правилом хорошего тона делать на эти работы лишь ссылку, иногда даже без комментариев к ней [ср.: 5, S. 88, Anm. 33; 14, S. 10, Anm. 10; 27, p. 4–5, note 13; 28, p. 177, note 14; 29, p. 59, note 117; 30, p. 232–234, note 13; 31, p. 36, note 33]. Д. Шоттер, Ю. Г. Чернышов, К. Брингманн и вовсе не ссылаются на эти статьи [7; 32, с. 6–21; 33, S. 113–123; 34]. С другой стороны, часть историков — и сторонники «теории» фасада, и сторонники «интегральной концепции» — подвергли взгляды Ф. Миллара и Э. А. Джаджа критике, которая касается слабых мест в общих рассуждениях этих ученых, но самого разбора лозунга *res publica restituta* непосредственно не затрагивает.

Так, П. А. Картлидж, полагая, что Август был способен на любой обман, выступил против рассуждений Ф. Миллара на том основании, что известный отрывок из «деяний Августа» «*rem publicam ex mea potestate in senatus populique Romani arbitrium transtuli* (я передал *res publica* из своей власти в управление сената и римского народа)» (RGDA, 34, пер. наш — А. Т.) якобы должен означать «восстановление» Республики и, — следовательно, под термином *res publica* нужно понимать «Республику» [35, p. 30–40, esp. 38]. В свою очередь Я. Ю. Межеричский критикует Ф. Миллара за то, что тот, указывая на монархические изменения в провинциальном управлении, использует только материалы из восточных провинций, тогда как, по мнению Я. Ю. Межеричского, политические и идеологические структуры двух частей империи выстраивались на различных фундаментах, а природу принципата Августа можно уяснить, только принимая во внимание специфику римского менталитета [19, с. 94–97].

Таким образом, с одной стороны, большинство исследователей продолжают традиционно переводить словосочетание *res publica restituta* как «восстановленная» Республика, что не соответствует, по нашему мнению, значению этого лозунга, которое в него вкладывали в 20-х гг. до н. э. С другой стороны, нам трудно согласиться с некоторыми положениями в выводах Ф. Миллара и Э. А. Джаджа. Поэтому нам представляется справедливым вновь обратиться к трактовке выражения *res publica restituta*.

Показательно, что сам Август не использовал лозунга *res publica restituta* [ср.: 36, p. 65]. В своем политическом завещании он заявляет, что «*in consulatu sexto et septimo, postquam bella civilia exstinxeram, per consensum universorum potens rerum omnium, rem publicam ex mea potestate in senatus populique Romani arbitrium transtuli* (в шестое и седьмое консульство, после того как я потушил гражданские войны, по всеобщему согласию достигший высшей власти, я передал *res publica* из своей власти в управление сенату и римскому народу)» (RGDA, 34, пер. наш — А. Т.). П. А. Картлидж и Э. Рэмейдж считают, что в этом месте под термином *res publica* следует понимать

«Республика» [29, p. 38 sqq.; 35, p. 30–40, esp. 38; ср.: 37, S. 75–76]. Однако из этого отрывка можно только сделать вывод о том, что Октавиан, прежде всего, ставил себе в заслугу прекращение гражданских войн и сложение полномочий триумвира в пользу сената и народа. Сам контекст говорит в пользу перевода *res publica* как «государственные дела», но никак не Республика.

Такая трактовка подтверждается интересным лингвистическим наблюдением, сделанным К. Галински. Исследователь указывает на тот факт, что Август два раза подряд использует термин *res*: «он был господином “всех вещей” (*potitus rerum omnium*), из них он передал “общественную вещь” (*rem publicam transtuli*) в *arbitrium* сената и римского народа» [36, p. 65]. *Arbitrium*, в свою очередь, также несет определенную смысловую нагрузку. Первоначальное значение *arbitrium* — решение, свободное суждение о том, что хорошо и справедливо. *Arbitrium* означает общий оценочный процесс [38, p. 151; 39, p. 160; 40, S. 62]. К. Галински поясняет, что этот термин — признак людей, которые осуществляют *potestas*, но это не просто власть (*imperium*), но также и *ius*, и *cura* [36, p. 65]. В этом отношении важно свидетельство Т. Ливия, который различает законодательную власть народного собрания (*potestas populi*) и консультативные полномочия сената (*arbitrium senatus*) (Liv., X, 24). В таком свете трактовка Августом событий 28–27 гг. до н. э. выглядит следующим образом: он передает *res publica* из его власти (*potestas*) не во власть (*potestas*) сената и римского народа, а в их *arbitrium*. Сила их *arbitrium*, учитывая трактовку *res publica* как «государственные дела», будет пропорциональна их обязательствам в отношении моральных ценностей, которые являются существенными для того, чтобы поддерживать *ius* и *cura* и, следовательно, способствовать длительному существованию римской общины. Август, таким образом, приглашает сенат и народ участвовать с ним в заботе о государстве на основе закона (*ius*) и заботы (*cura*) ради общественной пользы (*res publica*) [36, p. 65].

В доказательство «республиканизма» Августа исследователи часто приводят известный отрывок из брeвиария Веллея Патеркула: « *finita vicesimo anno bella civilia, sepulta externa, revocata pax... restituta vis legibus, iudiciis auctoritas, senatui maiestas, imperium magistratum ad pristinum redactum modum... Prisca illa et antiqua rei publicae forma revocata* (по прошествии двадцати лет окончены гражданские войны и похоронены внешние, возобновлен мир... восстановлена сила законов, возвращен авторитет судам, сенату — величие, магистратам — власть и старинные полномочия... Возобновлена старинная и древняя форма *res publica*)» (Vell. Pat., II, 89, пер. наш — А. Т.) [напр.: 41, S. 79]. Примечательно, что Веллей Патеркул также делает акцент на окончании гражданских войн и установлении мира. Восстановление древней формы *res publica* он связывает с восстановлением законов, полномочий судов, сената и магистратов. Другими словами, историк подчеркивает заслугу Августа в наступлении мира и восстановлении полномочий государственных органов власти, чья работа была нарушена во времена гражданских войн. Кроме того, Ф. Миллар отмечает, что это не оригинальное суждение Веллея Патеркула, а вероятнее «более детальная и украшенная версия» обращения Цицерона к Г. Юлию Цезарю из его речи «по поводу возвращения Марка Клавдия Марцелла»: «*Omnia sunt excitanda tibi, C. Caesar, uni... constituenda iudicia, revocanda fides, comprimendae libidines, propaganda suboles: omnia, quae dilapsa iam diffluxerunt, severis legibus vincienda sunt* (Тебе одному, Гай Цезарь, приходится восстанавливать все... учреждать суд, восстанавливать кредит, обуздывать страсти, заботиться о грядущих поколениях, а все то, что распалось и развалилось, связывать суровыми законами)» (Cic., Pro Marc., 23, пер. В. О. Горенштейна) [20, p. 64].

К этому следует добавить, что современные ученые, приводя это свидетельство как пример «республиканизма» Августа, совершенно игнорируют другое место из того же источника [исключение см.: 42, с. 336, прим. 364]. Дело в том, что Веллей

описывает приход к власти Тиберия почти в тех же словах, что и приход к власти Августа: «на форум призвано доверие, с форума удален мятеж, с Марсова поля — домогательства, из курии — раздоры, и возвращены государству одряхлевшие от долгого бездействия и погребенные правосудие, справедливость, энергия; к магистратам пришел авторитет, к сенату — величие, к судьям — вескость...» (Vell. Pat., II, 126, пер. А. И. Немировского, М. Ф. Дашковой). Таким образом, приведенные выше доводы свидетельствуют, по нашему мнению, о том, что сообщение Веллея нельзя трактовать как подтверждение «республиканизма» Августа.

Тит Ливий единственный из современников Августа, который использует выражение *res publica restituta*. Правда, он употребляет его всего лишь один раз в третьей книге, опубликованной в составе первой декады незадолго после 27 г. до н. э. [43, р. 209 sqq.; 44, р. 451, note 61; 45, р. 42–57]. Рассказывая о борьбе патрициев и плебеев во время заговора Аппия Гедрония, Ливий так описывает реакцию плебса и сената на патриотическую речь консула 460 г. до н. э. А. Квинкция Цинцинната: «*moverat plebem oratio consulis; erecti patres restitutam credebant rem publicam* (речь консула взволновала плебс, а воодушевленные сенаторы стали полагать, что государственные дела восстановлены)» (Liv., III, 20, пер. наш — А. Т.). Несомненно, здесь *res publica* означает «государство» или даже, скорее, «государственные дела», но никак не «Республика» [ср.: 20, р. 63].

В эпиграфических источниках *res publica* также имеет значение «государство» либо «община». Так, в надписи, найденной на римском форуме и относящейся к 29 г. до н. э., говорится о сохранении государства: «*senatus populusque Romanus imp. Caesari divi Iuli f... re publica conservata* (сенат и народ римский императору Цезарю, сыну божественного Юлия... за сохраненное государство)» (ILS, № 81, пер. наш — А. Т.). Здесь «восстановление» государства, очевидно, связывается с победой Октавиана над М. Антонием. Еще более ярко эта связь проявляется в свидетельствах пренестинских и амитернских фаст, а также отчетов арвальских братьев. Под 1 августа 30 г. до н. э. мы читаем: «...*eo die imperator Caesar Augustus rem publicam tristissimo periculo liberavit* (...в этот день император Цезарь Август освободил государство от величайшей опасности)» [46, р. 49].

Что касается восстановления *res publica restituta* в «Пренестинских фастах», то, по нашему мнению, оно маловероятно. Следует согласиться с точкой зрения Э. А. Джаджа, что кроме моммзеновской эмендации «...*quod rem publicam*] p(ro)pu(lo) R(omano) rest[it]u[it] (...за то, что он восстановил *res publica* римского народа)» (CIL, I², р. 231) возможны и другие добавления. Однако здесь нужно отметить, что и сам Т. Моммзен вначале признавал, что *res publica* была неудачным добавлением и в своем издании «*Res gestae divi Augusti*» предлагал *provinciae*: «...*quod provincias*] p R rest[it]u[it] (за то, что он восстановил провинции римского народа)» [10, р. 151], т. е. речь идет о «восстановлении» контроля над «всеми» провинциями. На наш взгляд, эта эмендация более приемлема. Об этом совершенно определенно свидетельствуют данные Овидия и Т. Ливия. Овидий указывает, что Октавиан получил прозвище Август за то, что «возвратил» провинции римскому народу: «*redditaque est omnis populo provincia nostro/et tuus Augusto nomine dictus avus*» (Ovid., Fasti, I, 589–590). На то же указывает и Ливий: «С. Caesar rebus compositis et omnibus provinciis in certam formam redactis Augustus quoque cognominatus est (Г. Цезарь, приведя в порядок дела и установив должное устройство во всех провинциях, был назван Августом)» (Liv., Erit., 134, пер. наш — А. Т.).

Относительно использования лозунга *res publica restituta* в так называемой «*Laudatio Turiae*», где говорится, что «*pacato orbe terrarum res[stitut]a republica*» (CIL, VI, № 1527, II, 26–27), можно сказать, что это восстановление вполне вероятно. Но нет никаких оснований видеть в этом выражении «восстановленную» Республику, как это делает большинство исследователей. Приведенные выше свидетельства источников

в отношении *res publica* показывают, что под этим термином в отрывке из «*Laudatio Turiae*» следует понимать «государство», т. е.: «после умиротворения круга земель были восстановлены государственные дела» [ср.: 22, р. 265].

Таким образом, в 20-е гг. до н. э. понятие *res publica* трактовалось, прежде всего, как «государство» или «государственные дела». Единого термина, обозначающего *status novus*, в источниках мы не встречаем. Сам Август и современные ему поэты (Вергилий, Гораций, Овидий) выражение *res publica restituta* вообще не используют [ср.: 36, р. 64–65]. Веллей Патеркул употребляет выражение *prisca illa et antiqua rei publicae forma*, а в официальной надписи встречается *res publica conservata*. По одному разу *res publica restituta* встречается у Т. Ливия и в надписи «*Laudatio Turiae*», где обозначает «государство».

На первый взгляд, такие выводы подтверждают мнение Ф. Миллера о том, что лозунг *res publica restituta* вообще не существовал. Однако эта точка зрения справедлива лишь в том случае, если выражение *res publica restituta* означает «восстановленная Республика», но если под ним понимать «восстановленное государство», то ситуация меняется.

Абсолютно для всех сторонников «интегральной концепции» и «теории» республиканизма Августа само собой подразумевается, что лозунг *res publica restituta* в таком же виде был заимствован из политического словаря *optimates*. Между тем, Цицерон, говоря о «восстановлении» *res publica*, в восьми случаях из четырнадцати использует не *rem publicam restituere*, а *rem publicam recipere* (Cic., Att., VIII, 3, 2; XIV, 4, 1; 14, 6; XV, 13, 4; Fam., XII, 2, 1; 6, 2; Brut., II, 1, 1), а еще в трех случаях — *rem publicam liberare* (Cic., Fam., XI, 5, 3; 8, 1; Brut., II, 5, 1). Выражение *res publica restituta* употребляется знаменитым оратором только два раза, но в обоих случаях речь идет о «восстановлении государства» (Cic., In Cat., III, 1; De senect., 20). Между тем, Э. А. Джадж насчитывает семь таких случаев. Кроме In Cat., III, 1 и De senect., 20 он еще указывает Post red. in sen. 36; Post red. ad Quir. 14; De domo suo, 145 и 146; Phil., XIII, 9. Однако, как отмечает сам историк, последние 5 пассажей описывают возвращение Цицерона из изгнания [23, р. 286–287]. Поэтому они не имеют прямого отношения к «восстановлению» государства или Республики.

При такой трактовке становится понятным выбор окружением Октавиана прилагательного *restituta*. Глагол *restituo* означает восстанавливать, как было до того, приводить в прежнее состояние [38, р. 1583, s.v. *restituo*; 39, р. 1637, s.v. *restituo*; 47, с. 668, s.v. *restituo*]. Видимо, Август использовал этот термин, чтобы показать, что государственные дела приведены в порядок, гражданским войнам пришел конец и наступил мир. *Recipere* в свою очередь имеет значение опять, снова получать, возвращать себе, снова освобождать [38, р. 1532, s.v. *recipere*; 39, р. 1581, s.v. *recipere*; 47, с. 654, s.v. *recupero*]. Использование этого глагола Цицероном также вполне логично. Один из видных *optimates* призывал не к «восстановлению государства», а к возвращению власти «оптиматам».

Употребление Т. Ливием и неизвестным оратором в «*Laudatio Turiae*» выражения *res publica restituta* документально подтверждает существование этого лозунга в эпоху Августа. Правда, по нашему мнению, *res publica restituta* нужно рассматривать на более широком фоне использования понятия *restitutio*, связанного не только с «восстановлением государства», но и с пропагандистскими заявлениями о «восстановлении» всех сфер римского общества.

В специальной литературе никогда не ставился вопрос о времени начала пропагандистской «переориентации» Октавиана¹, которая традиционно увязывается с «отказом» бывшего триумвира от власти и «восстановлением» Республики в 27 г. до н. э. [напр., см.: 2, с. 310; 3, S. 86, 111; 5, S. 81, 83; 48, с. 91–92; 49, с. 205]. Споры

¹ Попытку перенести «основание» принципата на 28 г. до н. э. сделал П. Гренад [53, р. 100 sqq.], но это вызвало негативную реакцию П. А. Бранта [54].

ведутся только по поводу «искренности» или «лицемерности» его намерений [см.: 16, р. 139 sqq.; 50, р. 41–44; 51, S. 489 sqq.; 52, sp. 2091]. Однако, с нашей точки зрения, вопрос о хронологии более важен, так как его правильная интерпретация поможет четче представить себе сущность политической пропаганды Августа.

По нашему мнению, широкомасштабная агитация *restitutio rei publicae* началась в 28 г. до н. э., всего лишь через полгода после возвращения приемного сына Юлия Цезаря с Востока. Пропаганда Октавиана в конце 30-гг. принесла ему много дивидендов, но после того, как он стал единственным правителем Рима, у него возникли определенные трудности. Возвращение победоносного полководца вызвало значительное беспокойство в Риме, так как воспоминания о проскрипциях еще не стерлись из памяти, а современники вполне отчетливо осознавали, что война между Октавианом и М. Антонием была борьбой за власть, а не патриотическим походом против Востока. Так, Корнелий Непот в биографии Аттика, которая была опубликована около 29 г. до н. э., довольно обыденно замечает, что: «...se uterque [Октавиан и М. Антоний] principem non solum urbis Romae, sed orbis terrarum esse superet (каждый из них жаждал первенствовать не только в городе Риме, но во всем мире)» (Nep., Att., 20, пер. наш — А. Т.; ср.: Propert., II, 15, 45–46). Примечательно, что саму борьбу он называет не просто соперничеством (*aemulatio*), а завистливой враждебностью (*obtrectatio*) (Nep., Att., 20). Кроме того, Д. Ирл указывает на еще одно затруднение. Многие нобили, которые встали на сторону Октавиана в борьбе против Антония, сделали это в собственных интересах. По мнению исследователя, с поражением Антония часть из них вполне могла решиться восстановить власть *boni*, совершив покушение на Октавиана, так как вряд ли многие из них полностью разделяли взгляды племянника Юлия Цезаря и его ближайшего окружения [55, р. 53; ср. однако: 3, S. 84].

В такой ситуации для Октавиана было важно обосновать свою неконституционную власть и исключительное положение в государстве. Пропаганда безопасности, процветания и мира, несмотря на всю свою привлекательность, в данном случае не оправдывала полностью нового положения вещей. Выход был найден в объявлении о восстановлении всех сфер римского общества, устои которого были якобы полностью ниспровержены в период второго триумvirата. Таким образом, лозунг *restitutio rei publicae* мог дать возможность морального оправдания незаконной власти Октавиана.

Уже в начале 28 г. до н. э. Октавиан «восстановил» власть сената, проведя *lectio* и составив новый список сенаторов, где его имя было поставлено на первое место, и в связи с чем он был признан «первоприсутствующим» в сенате (*princeps senatus*). Мы не будем останавливаться на трактовке этого термина, так как он подробно рассмотрен в историографии [напр.: 2, с. 309–310; 5, S. 204–212; 17, р. 49–60; 49, с. 303–312; 52, sp. 1998–2296; 56, с. 19–31; 57, с. 211–218; 58, р. 31 sqq.; 59, S. 399–436, 481–489; 60, р. 206–243]. Здесь только следует заметить, что титул *princeps* давал Октавиану важные пропагандистские преимущества. С одной стороны, он указывал на наивысший авторитет (*auctoritas*) в государстве, с другой — на неопределенность полномочий, что давало возможность его широкой трактовки. Объявляя себя лидером общины (*princeps civitatis*), Октавиан имел полное моральное право на «восстановление государства», которого не было у полководца, победившего в гражданской войне.

После избрания в том же году консулом в шестой раз, Октавиан также «восстановил» и полномочия высших римских магистратов, уравнивая с собой в правах своего коллегу М. Агриппу (Dio Cass., LIII, 1).

Кроме того, на протяжении всего года Октавиан позиционировал себя как *restitutor* римской религии. Сам Август особо отмечает, что в 28 г. до н. э. восстановил 82 римских храма (RGDA, 20), за что Т. Ливий называет его основателем или восстановителем всех римских храмов: «Augustus Caesar, templorum omnium conditor aut restitutor» (Liv., IV, 20).

Также в 28 г. до н. э. Октавиан объявил себя «восстановителем» законов и права римского народа. Было возведено об отмене всех решений триумvirов (Dio Cass. LIII,

2), о сожжении списков должников казны (Suet., Div. Aug., 32), об освобождении римских граждан, незаконно содержащихся в эргастулах (Suet., Tib., 8). Ярким подтверждением данных литературных источников стала находка в 1992 г. нового ауреуса, датированного 28 г. до н. э. На его реверсе изображен одетый в тогу Октавиан, сидящий на курульном кресле и держащий в руках свиток с законами, слева от него помещен ларец для свитков; вокруг легенда LEGES ET IVRA P[opuli] R[omani] RESTITVIT (он восстановил законы и право римского народа) [5, S. 83, Anm. 17; 79, p. 169 sqq.].

На то, что пропагандистские заявления Октавиана имели успех, а лозунг *restitutio* пользовался значительной популярностью, указывает огромное число надгробных памятников, зафиксировавших имя RESTITUTUS (RESTITUTA), которое римляне стали давать своим детям, начиная с эпохи раннего Принципата (напр., см.: CIL, II, № 145, 367, 3659, 4118, 5968; III, № 3643, 4731; V, № 1270, 2126, 4270, 4860; VI, № 23054; IX, № 2711; AE, 1987, № 1080; 1989, № 26).

Логическим завершением построенной нами цепочки античных свидетельств является, по нашему мнению, эдикт Октавиана, цитату из которого приводит Светоний: «Итак, да будет мне дано *установить государство* на его основе целым и невредимым (*salvam ac sospitem rem publicam sistere in sua sede*) и пожинать плоды этого дела с тем, чтобы я мог называться создателем лучшего государственного устройства (*optimi status auctor*) и при кончине унес бы с собой надежду на то, что основания государства, которые я воздвиг, останутся неизменными» (Suet., Div. Aug., 28, пер. наш — А. Т.). Однако среди ученых до сих пор ведутся споры не только о его датировке, но и о его пропагандистской направленности. Так, К.-М. Гирардет считает, что он был издан в 29 г. до н. э. [61, S. 231–243], К. Скотт, П. Гренад, В. Фадинггер и А. Х. М. Джоунз относят его к 27 г. до н. э. [53, p. 68, 76; 62, S. 139 sqq.; 63, p. 46 sqq.], Дж. И. Ф. Чилвер и Э. Салмон — к 23 г. до н. э. [64, S. 422; 65, p. 458], Э. А. Джадж — к 19 или даже к 2 г. до н. э. [23, p. 301–302], а Дж. Вильямс — к 17 г. до н. э. [66, p. 274], в то время как Х. Стюарт Джоунз, Р. Сайм и Д. Кинаст указывают на невозможность датировать этот эдикт [5, S. 527; 67, p. 129; 68, p. 320, 324]. Также разнятся оценки идеологического содержания этого документа. Высказывались мнения, что этот эдикт — «объявление» о восстановлении Республики, акт учреждения Принципата, провозглашение монархии, заявление о начале стабилизации и преобразования распатанного гражданами войнами средиземноморского мира, «традиционная патрицианская» самореклама Августа, через которую он подчеркивал, что безопасность и благосостояние государства зависели от него лично, или просто программа широкой строительной деятельности Августа в Риме [23, p. 302; 61, S. 231–232].

Действительно, очень трудно трактовать этот документ из-за его отрывочности и многозначности. Однако, если рассмотреть контекст, в котором он употребляется у Светония, а также сопоставить данные эдикта со свидетельствами источников о *restitutio* в 28 г. до н. э., то можно прийти к определенным выводам.

Серьезной проблемой является то, что Светоний цитирует только последнее предложение из эдикта (*voluntas Октавиана*), тогда как само содержание остается неизвестным. К. М. Гирардет обращает внимание, что в цитате использован конъюнктив настоящего времени, выражающий пожелание, намерение [61, S. 234], то есть в предшествующем неизвестном для нас тексте речь шла о каких-то конкретных обещаниях и заверениях. То, что этот эдикт не имел никакого отношения к «восстановлению» Республики, как переводит это место М. А. Гаспаров [69, с. 65], показывает сам текст Светония. Древний автор увязывает цитату не с «восстановлением» Республики, а с началом единоличного правления Августа: «О возвращении государственных дел [сенату] он задумывался дважды: впервые сразу после победы над Антонием, когда его злопыхатели часто попрекали тем, что якобы только из-за него [государственные дела] не установлены и не возвращены, и еще раз после тяжелой и продолжительной болезни... Но посчитав, что и ему небезопасно будет жить частным лицом, и управление государством было бы необдуманно отдавать во власть (*arbitrium*) многих, он

без колебаний удержал власть за собой... О таком решении он неоднократно объявлял, а эти высказывания к тому же подтверждаются в одном его эдикте...» (Suet., Div. Aug., 28, пер. наш — А. Т.).

С нашей точки зрения, в эдикте речь шла о «восстановлении» римского общества, на что указывают слова самого Августа: *rem publicam sistere in sua sede*, что можно перевести как — «вернуть общественные дела на свое место», «привести в порядок все устои государства». Вместе с тем эта *restitutio* четко и напрямую увязывается с личностью Октавиана: «да будет мне дано... пожинать плоды этого дела, чтобы я мог называться создателем лучшего государственного устройства». Использование термина *auctor* (основатель, восстановитель) также подчеркивает связь этого эдикта с *restitutio rei publicae* 28 г. до н. э. В свою очередь, употребление конъюктива, выражающего пожелание, указывает на то, что эти действия еще не совершены, что, по нашему мнению, дает возможность датировать этот эдикт началом 28 г. до н. э. и подразумевать под ним официальное объявление о начале *restitutio rei publicae*.

В подтверждение нашей гипотезы можно привести и другие доводы. В 27 г. до н. э., сложив свои неконституционные полномочия, Октавиан получил проконсульский империй, который, однако, был ограничен 10 годами. Таким образом, срок его полномочий истек 31 декабря 18 г. до н. э. и Август воспользовался этим событием для проведения новой мощной пропагандистской кампании, в результате которой на протяжении 18–17 гг. до н. э. был проведен целый ряд мероприятий: состоялись секулярные игры, принято семейное законодательство, объявлено о наступлении «золотого» века¹. Таким образом подчеркивалось, что за время 10-летних «чрезвычайных полномочий» Август своими действиями настолько способствовал возрождению римской общины, что логическим завершением нахождения его у власти стало окончательное очищение возродившегося общества от скверны гражданских войн и его вступление в новую счастливую эпоху. Тем самым оправдывалось исключительное положение Августа в государстве, который имел все основания находиться у власти далее, ведь его личность стала залогом благосостояния и процветания римской общины.

Следующий год после грандиозных празднеств, организованных Августом, стал для римского общества первым годом «золотого века», временем процветания и могущества римского государства. Именно в 16 г. до н. э. монетарием Л. Месцинием Руфом был отчеканен денарий, на аверсе которого помещена надпись, являющаяся, по сути, логическим продолжением эдикта, который приводит Светоний: I[ovi] O[ptimo] M[aximo] S[enatus] P[opulus]Q[ue] R[omanus] V[ota] S[uscepta] PR[o] S[alute] IMP[eratoris] CAE[saris] QUOD PER EU[m] R[es] P[ublica] IN AMP[liore] ATQ[ue] TRAN[quilliore] S[tatu] E[st] (Юпитеру Наилучшему Величайшему сенат и народ римский по принятому обету за здоровье Императора Цезаря, так как благодаря ему государство находится в процветающем и спокойном положении) (пер. наш — А. Т.) [46, р. 61, № 35; 70, р. 17, № 91; 71, р. 68, № 358]. Здесь выражение «*quod per eum res publica in ampliore atque tranquilliore statu est*» фактически является сбывшимся пожеланием Августа, который хотел, чтобы его именовали «*optimi status auctor*»

¹ Источники сохранили указание на то, что принцепс стремился увязать проведение столетних игр с окончанием своего 10-летнего империя [72, с. 242–246]. Проведение секулярных игр стало завершающей вехой в становлении идеологии раннего Принципата. В сознании римлян *ludi saeculares* были символической границей, обозначавшей конец одного века (*saeculum*) и начало другого. Во время их празднования все население должно было очиститься от прежних грехов, чтобы в новой эпохе начать новую жизнь. Другими словами, провозглашая наступление «золотого века», они символизировали новую эпоху — время мира и благоденствия. В свою очередь, семейное законодательство Августа, по нашему мнению, тесно связанное с играми и принятое за некоторое время до их проведения, морально возрождало римское общество, как бы подготавливая его к вступлению в *saeculum aureum* [73, с. 222–231, ср.: 74, р. 207; 75, р. 60].

[ср.: 29, р. 60; 58, р. 170; 61, S. 243]. Поэтому вряд ли можно согласиться с ничем не обоснованным мнением Я. Ю. Межеричского, что этот денарий является свидетельством «заботы» Августа о Республике [19, с. 268, прим. 68].

Весьма показательно, что по окончании второго (5-летнего) срока нахождения у власти Августа в 12 г. до н. э. монетарий Косс Корнелий Лентул выпустил ауреус, реверс которого в аллегорической форме (изображение коленопреклоненной *res publica*, которую поднимает с земли Август, в сопровождении легенды AUGUST[us] и RES PUB[lica]) вновь напоминал римским гражданам о *restitutio rei publicae* и об Августе как учредителе наилучшего государственного устройства (*optimi status auctor*) [71, р. 73, № 413; 76, р. 5–11]. Такая интерпретация изображения на реверсе монеты Косса Корнелия Лентула является, по нашему мнению, наиболее приемлемой. Рассмотрение же этого изображения в отрыве от *restitutio rei publicae* приводит к большим затруднениям. В частности, К. Вермель, М. Фуллертон и Э. Уоллас-Хэдрилл видят в этом изображении акт «восстановления» Республики и наряду с этим трактуют его как символическое превосходство Августа над Республикой [76, р. 5 sqq.; 77, р. 478–479; 78, р. 79 and note 76]. Но, с одной стороны, коленопреклоненный образ *res publica* явно противоречит идеям «республиканизма», а с другой — демонстрация униженного положения *res publica* была бы откровенным вызовом общественному мнению, за которое так боролся Август. Я. Ю. Межеричский, в свою очередь справедливо отбрасывая эти точки зрения, в конце концов, так и не решается дать окончательное объяснение этому реверсу, который так резко контрастирует с его теорией «республиканизма» [19, с. 315 и прим. 89].

Итак, подведем итог. Широко распространенная и глубоко укоренившаяся точка зрения о «восстановлении» Республики Августом в 27 г. до н. э. (все равно настоящим или мнимом), на наш взгляд, является неверной. Также следует отказаться от мнения Ф. Миллара и Э. А. Джаджа, согласно которому первый император никогда не использовал лозунга *res publica restituta*. Наша трактовка источников дает возможность полагать, что *res publica restituta* не было заимствованием из политического словаря *optimates* — как считают многие исследователи, — а скорее соответствовала значению «общее дело», которое вкладывали в понятие *res publica* «популярны». Начиная с 20-х гг. до н. э. выражение *res publica* трактовалось именно как «государство» или «государственные дела».

Однако не следует считать этот лозунг одним из основных в политической пропаганде Августа. На самом деле, единого термина, обозначавшего *status novus*, мы не встречаем: ни сам Август, ни знаменитые поэты той поры его не используют, тогда как в других источниках употребляются такие конструкции, как *res publica conservata*, *prisca rei publicae forma*. Объясняется это тем, что окружение принцепса использовало более широкое понятие *restitutio*, включавшее в себя вышеперечисленные лозунги. Это «восстановление» произошло в 28 г. до н. э., практически сразу же после возвращения Октавиана с Востока, в то время как в 27 г. первый император только узаконил свою власть, получив проконсульский империй на 10 лет.

Широкая агитация *restitutio* (эдикт Октавиана о «восстановлении государства», о котором упоминает Светоний; употребление лозунга *res publica restituta* не только близким Августу Т. Ливием, но и неизвестным оратором в погребальной речи; популярность имени *Restitutus* среди низших слоев населения), относительно короткий промежуток времени, за который были проведены эти «реформы», периодические напоминания о заслугах Августа в «восстановлении» государства, которые совпадали с окончанием сроков его полномочий (денарии 16 и 12 гг. до н. э.), — позволяют нам утверждать, что это было не решением насущных проблем, а только пропагандистской акцией, призванной оправдать захват власти бывшим триумвиром.

Ключевые слова: *res publica restituta*, политика *restitutio*, реформы 28–27 гг. до н. э., император Август.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борисов Ю. Д.* Тиберий Клавдий Нерон: Путь к власти. — М., 2001.
2. *Машкин Н. А.* Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. — М.; Л., 1949.
3. *Bleicken J.* Zwischen Republik und Prinzipat: Zum Charakter des Zweiten Triumvirats. — Göttingen, 1990.
4. *Fears J. R.* Antiquity: The Example of Rome//An Uncertain Legacy: Essays on the Pursuit of Liberty. — Wilmington, 1997.
5. *Kienast D.* Augustus: Prinzeps und Monarch. — Darmstadt, 1999.
6. *Mellor R.* Introduction//From Augustus to Nero. Ed. R. Mellor. — Michigan, 1990.
7. *Sbotter D.C.A.* Augustus Caesar. — L., 1999.
8. *Winspear A. D.* Augustus and the Reconstruction of Roman Government and Society. — Madison, 1935.
9. *Wirszubski Ch.* Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate. — Cambr.; N. Y., 1950.
10. *Mommsen Th.* Res gestae divi Augusti. Ex monumenti Ancyrano et Apolloniensi. — Berolini, 1883.
11. *Botteri P.* L'Integrazione Mommseniana a Res Gestae Divi Augusti 34, 1 «*Potitus Rerum Omnium*» e il Testo Greco//ZPE. — 2003. — Bd. 144.
12. *Drew-Bear T., Scheid J.* La copie des *Res Gestae* d'Antioche de Pisidie//ZPE. — 2005. — Bd. 154.
13. *Фепперо Г.* Величие и падение Рима. — М., 1916. — Т. 3.
14. *Castritius H.* Der römische Prinzipat als Republik. — Husum, 1982.
15. *Hammond M.* The Augustan Principate in Theory and Practice during the Julio-Claudian Period. — Cambr., 1933.
16. *Hammond M.* The Sincerity of Augustus//HSCPh. — 1965. — Vol. 69.
17. *Pelham H. F.* Essays. — Oxf., 1911.
18. *Zanker P.* The Power of Images in the Age of Augustus. — Ann Arbor, 1988.
19. *Межеруцкий Я. Ю.* Республиканская монархия: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. — М.; Калуга, 1994.
20. *Millar F.* Triumvirate and principate//JRS. — 1973. — Vol. 63.
22. *Millar F.* The Roman Republic and the Augustan Revolution. — Chapel Hill, 2002.
23. *Millar F.* Two Augustan Notes//CR. — 1968. — Vol. 18. — № 3.
24. *Judge E. A.* «*Res Publica Restituta*»: A Modern Illusion?//*Polis and Imperium*. — Toronto, 1974.
25. *Токарев А. М.* Витоки та становлення офіційної ідеології принципату Імператора Цезаря Августа: автореф. дисс. на здобуття наукового ступеня канд. іст. наук. — Х., 2010.
26. *Stanton G. R.* Tacitus' View of Augustus' Place in History//*Ancient History in a Modern University*. — Australia, 1998. — Vol. 1.
27. *Woodman A. J.* Velleius Paterculus: The Caesarian and Augustan Narrative (2. 41–93). — Cambr., 1983.
28. *Gowing A. M.* Empire and Memory: The Representation of the Roman Republic in Imperial Culture. — Cambr., 2005.
29. *Lacey W. K.* Octavian in the Senate, January 27 B. C.//JRS. — 1974. — Vol. 64.
30. *Ramage E. S.* The Nature and Purpose of Augustus' «*Res Gestae*». — Stuttgart, 1987.
31. *Southern P.* Augustus. — L.; N.-Y., 1998.
32. *Wallace-Hadrill A.* Civilis princeps: between Citizen and King//JRS. — 1982. — Vol. 72.
33. *Чернышов Ю. Г.* Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в древнем Риме. — Новосибирск, 1994. — Ч. 2.
34. *Bringmann K.* Von der *res publica amissa* zur *res publica restituta*. Zu zwei Schlagworten aus der Zeit zwischen Republik und Monarchie//*Res publica reperta*. — Stuttgart, 2002.

35. *Shotter D.C.A.* Tiberius Caesar. — N.-Y., 2004.
36. *Cartledge P. A.* The Second Thoughts of Augustus on the res publica in 28/27 B.C. // *Hermathena*. — 1975. — Vol. 119.
37. *Galinsky K.* Augustan Culture: An Interpretive Introduction. — Princeton, 1996.
38. *Kolbe W.* Von Republik zur Monarchie//Augustus. — Darmstadt, 1985.
39. *A Latin Dictionary*. Rev. by Ch. T. Lewis, Ch. Short. — Oxf., 1958.
40. *Oxford Latin Dictionary*. Ed. by P. G. W. Glare. — Oxf., 1968.
41. *Walde A.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. — Heidelberg, 1938. — Bd. 1.
42. *Benario H. W.* Augustus Princeps//ANRW II. — 1975. — Bd. 2.
43. *Немировский А. И., Даушкова М. Ф.* «Римская история» Веллея Патеркула. — Воронеж, 1985.
44. *Luce T. J.* The Dating of Livy's First Decade//TAPhA. — 1965. — Vol. 96.
45. *Petersen H.* Livy and Augustus//TAPhA. — 1961. — Vol. 92.
46. *Syme R.* Livy and Augustus//HSCPh. — 1959. — Vol. 64.
47. *Ebrenberg V., Jones A. H. M.* Documents Illustrating the Reigns of Augustus and Tiberius. — Oxf., 1976.
48. *Дворецкий И. X.* Латинско-русский словарь. — М., 2000.
49. *Егоров А. Б.* Рим на грани эпох: проблема происхождения и формирования принципата. — Л., 1985.
50. *Утченко С. А.* Древний Рим. События. Люди. Идеи. — М., 1969.
51. *Charles-Picard G.* Auguste et Néron. Le secret de l'empire. — P., 1962.
52. *Gardthausen V.* Augustus und seine Zeit. — Leipzig, 1896. — 1 Teil. — Bd. 2.
53. *Wickert L.* Princeps (civitatis)//RE. — 1954. — Bd. 22. — H. 2.
54. *Grenade P.* Essai sur les origines du principat. — P., 1961.
55. *Brunt P. A.* [Рец.]//JRS. — 1961. — Vol. 51. — P. 236-238 (рец. на кн.: Grenade P. Essai sur les origines du principat. — P.: Editions de Boccard, 1961. — 497 p.).
56. *Earl D.* The Republic restored//From Augustus to Nero. — Michigan, 1990.
57. *Камалутдинов К. Я.* Цицерон о роли и месте princeps в политической системе римского общества (По материалам трактата «О государстве»)//АМА. — 1986. — № 6.
58. *Утченко С. А.* Политические учения древнего Рима. — М., 1977.
59. *Béranger J.* Recherches sur l'aspect ideologique du principat. — Basel, 1953.
60. *Reitzenstein R.* Die Idee des Principäts bei Cicero und Augustus//Nachrichten von der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, phil.-hist. Klasse. — 1917. — Bd. 3.
61. *Wagenvoort H.* Princeps//Philologus. — 1936. — Bd. 91.
62. *Girardet K. M.* Das Edikt des Imperator Caesar in Suetons Augustusvita 28,2. Politisches Programm und Publikationszeit//ZPE. — 2000. — Bd. 131.
63. *Fadinger V.* Die Begründung des Prinzipats. — Berlin, 1969.
64. *Scott K.* Tiberius' Refusal of the Title «Augustus»//CR. — 1932. — Vol. 27.
65. *Chilver G. E. F.* Augustus and the Roman Constitution, 1935–1950//Historia. — 1950. — Bd. 1.
66. *Salmon E. T.* The Evolution of Augustus' Principate//Historia. — 1956. — Bd. 5.
67. *Williams G.* Did Maecenas «Fall from Favor»? Augustan Literary Patronage//Between Republic and Empire. — Berkeley etc., 1990.
68. *Jones H. S.* The Princeps//CAH. — Cambr., 1934. — Vol. 10.
69. *Syme R.* The Roman Revolution. — Oxf., 1939.
70. *Светоний, Гай Транквилл.* Жизнь двенадцати цезарей. Пер с лат. и прим. М. А. Гапарова. — М., 1991.
71. *Mattingly H.* Coins of the Roman Empire in the British Museum. — L., 1965. — Vol. 1.
72. *The Roman Imperial Coinage*. Ed. by C. H. V. Sutherland. — L., 1984. — Vol. 1.
73. *Базинер О.* Древнеримские секулярные игры. Ludi saeculares: Историко-филологическое исследование. — Варшава, 1901.
74. *Токарев А. Н.* О целях семейного законодательства Августа//ВХНУ. — 2004. — № 633: История. — Вып. 36.

75. *Rawson B.* The Iconography of Roman Childhood//The Roman Family in Italy. — Canberra, 1999.
76. *Severy B.* Augustus and the Family at the Birth of the Roman Empire. — N.-Y.; L., 2003.
77. *Vermeule C.* Un aureo augusteo del magistrato monetario Cossus Lentulus//Numismatica. — 1960. — T. 1.
78. *Fullerton M. D.* The Domus Augusti in Imperial Iconography of 13–12 B. C.//AJA. — 1985. — Vol. 89. — № 3.
79. *Wallace-Hadrill A.* Image and Authority in the Coinage of Augustus//JRS. — 1986. — Vol. 76.
80. *Rich W., Williams J. H. C.* *Leges et iura p. r. restituit*: A New Aureus of Octavian and His Settlement of 28–27 B.C.//Numismatic Chronicle. — 1999. — Vol. 159.

Резюме

Токарев А. М. *Місце гасла res publica restituta та політики restitutio у політико-ідеологічному урегулюванні Октавіана 28–27 рр. до н. е.*

Стаття присвячена ідеологічному врегулюванню Октавіана 28–27 рр. до н. е. На думку автора, поширена в історіографії точка зору про «відновлення» Республіки Августом у 27 р. до н. е. (все рівно дійсним чи мнимим) є невірною. Не слід вважати гасло *res publica restituta* одним з основних у політичній пропаганді Августа. Насправді, одного терміну, який позначав *status novus*, не існувало. Оточення принцепса використовувало більш широке поняття *restitutio*, під яким мали на увазі відновлення всіх сфер римського суспільства. Це «відновлення» відбулося в 28 р. до н. е., практично відразу після повернення Октавіана зі Сходу, тоді як у 27 р. до н. е. перший імператор лише легітимизував свою владу, отримав проконсульський імперій на 10 років. Реформи не були рішенням насущних проблем, а тільки пропагандистською акцією, призначеною оправдати захват влади колишнім тріумвіром.

Ключові слова: *res publica restituta*, політика *restitutio*, реформи 28–27 рр. до н. е., імператор Август.

Summary

A. Tokarev. *A Place of Slogan Res Publica Restituta and Politics of Restitutio in Octavian's Political and Ideological Settlement of 28–27 B.C.*

The article is devoted to Octavian's ideological settlement of 28–27 B.C. According to the author, widespread point of view about Augustus' «restoration» of Republic in 27 B.C. (all the same real or seeming) is incorrect. It is not necessary to consider, that the slogan *res publica restituta* was one of a basic in a political propaganda of Augustus. In truth, the one term, designating *status novus*, did not exist. The environment of princeps used a wider concept *restitutio*, which was meant as restoration of all spheres of the Roman society. This «restoration» has occurred in 28 B.C., practically at once after returning of Octavian from the East, while in 27 B.C. the first emperor has only legalised the power, having received proconsular *imperium* for ten years. This reforms were not the decision of essential problems. They were only the propaganda action, called to justify power capture of former triumvir.

Key words: *res publica restituta*, politics of *restitutio*, reforms of 28–27 B. C., emperor Augustus.

